

Глава десятая

РАЗРАБОТКА ПЛЕХАНОВЫМ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Г. В. Плеханов — крупнейший марксистский историк философии, ему принадлежит разработка ряда важнейших принципиальных общих и конкретных проблем истории философии. Вместе с тем он является острым и глубоким критиком современной буржуазной философии.

В своей разработке истории философии Плеханов анализирует французский материализм, немецкую идеалистическую философию, послегегелевскую идеалистическую философию, теоретические источники марксистской философии, русскую философию и особенно вопросы философии у революционных демократов, современную буржуазную философию — махизм и пр.

Особое место в философских трудах Плеханова занимают общие методологические проблемы истории философии. Из вопросов методологического характера, исследуемых им, в первую очередь надо отметить следующие: о предмете и содержании истории философии, о классовой обусловленности философских учений, об относительной самостоятельности и исторической преемственности в развитии философских учений.

Рассмотрим прежде постановку и решение Плехановым общих методологических вопросов. Мысли о предмете и содержании истории философии разбросаны в ряде произведений Плеханова. В своем предисловии к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» он останавливается на определении предмета истории философии, данном Целлером: «... исследовать последние основания познания и бытия и постигнуть все реальное в связи с этими основаниями».¹

Соглашаясь с ним в целом, Плеханов подчеркивал, что различные философские системы по-разному отвечают на вопрос о коренных основаниях познания. Их можно распределить по двум

«отделам»: «К одному надо отнести все те, которые получаются в том случае, когда мыслители берут за точку отправления объект или, иначе, *бытие*, или еще иначе, — *природу*. При этом мыслителям приходится объяснить, каким образом к объекту прибавляется субъект, к бытию — сознание, к природе — дух. Так как они неодинаково объясняют это, у них получается, несмотря на одинаковость точки исхода, не вполне одинаковые системы. К другому отделу принадлежат все те философские построения, в которых точкой исхода является субъект, сознание, дух. Легко понять, что при этом на обязанности мыслителей лежит выяснение того, каким образом к субъекту прибавляется объект, к сознанию — бытие, к духу — природа. И сообразно тому, как исполняют они эту свою обязанность, отличаются одна от другой философские системы, принадлежащие к этому отделу. Кто отправляется от объекта, у того создается, если только он имеет способность и отвагу мыслить последовательно, одна из разновидностей материалистического мирозерцания.

«Кому точкой отправления служит субъект, тот оказывается опять-таки, если он не боится идти до конца, идеалистом того или другого оттенка.

«А люди, неспособные к последовательному мышлению, останавливаются на подороге и довольствуются помесью идеализма с материализмом. Таких непоследовательных мыслителей называют *эклехтиками*».²

История философии есть история мировоззрения своего времени. В условиях классового общества — это история мировоззрений классов, находящихся в борьбе друг с другом. В этой связи Плеханов замечает, что «история философских идей в обществе, разделенном на классы, должна представиться нам в свете того материалистического положения, что не мышление определяет собою бытие, а, наоборот, бытие определяет собою мышление».³

Он кратко останавливается на анализе возникновения философских воззрений. В первобытном обществе, по его мнению, зарождаются элементы мировоззрения в виде анимистических представлений дикаря. Становление философии относится к более позднему времени. Но даже на этой ступени развития философии первоначально мыслителями в древней Греции еще не осознается проблема отношения сознания и материи. Идеализм в его первоначальной форме вырос из анимизма первобытного человека. Общественные причины появления идеалистического мировоззрения Плеханов усматривает в слабом характере развития производительных сил человека и его знаний о природе, а также в отделиении умственного труда от физического.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, М., 1957, стр. 615.

³ Там же, стр. 623.

¹ Э. Целлер. Очерки истории греческой философии. М., 1913, стр. 1.

Дальнейший ход развития философии характеризуется развитием и изменением материалистического и идеалистического мировоззрений, их борьбой. Подчеркивая неизбежность развития материализма во всемирной истории, Плеханов писал, что «время возводило на его основном положении самые разнообразные надстройки, которые придавали материализму одной эпохи совершенно иной вид сравнительно с материализмом другой».⁴

История философии, как и история науки, показывает, что многие положения материалистических систем отрицались и опровергались позднейшими открытиями, часть из них, представлявшая момент объективной истины, сохранилась в позднейших системах и формах материализма. Способы исторической преемственности и сохранения прогрессивных идей при этом были крайне разнообразны. Это могло быть прямым следованием за идеями своих предшественников или признанием важнейших принципов при отрицании остальных идей.

Философия в руках того или другого класса всегда представляла тонкое духовное оружие. Плеханов замечает, что этот факт не всегда осознавался философами.

Плеханов остро ставил вопрос о классовом характере систем философии, а в связи с этим о бессознательном или сознательном лицемерии представителей тех или иных классов: «Отдельной личности не нужно „сознательного лицемерия“ для того, чтобы стремиться к согласованию своих взглядов с интересами своего класса. Для этого ей достаточно искреннего убеждения в том, что данный классовый интерес совпадает с интересом целого общества. Когда возникает такое убеждение — а оно естественно возникает у отдельных лиц под влиянием окружающей их среды, — тогда самые лучшие инстинкты человека: преданность целому, самоотвержение и т. д. — предрасполагают его считать *ошибочными* те идеи, которые грозят принести с собою „ужасные следствия“ для его класса (вспомните молодого Беркли), и, наоборот, признавать *истинными* те, которые обещают быть *полезными* этому классу. Полезное для данного общественного класса является *истинным* в глазах отдельных лиц, этот класс составляющих. Конечно, пока речь идет о таком классе, существование которого основывается на эксплуатации другого класса или других классов, до тех пор этот психологический процесс отождествления полезного с *истинным* всегда предполагает некоторую долю *бессознательного лицемерия*, заставляющего отворачиваться от всего того, что могло бы помешать ходу этого процесса. И, по мере того как данный господствующий класс приближается к своему упадку, доля эта все более и более увеличивается, причем к *бессознательному лицемерию* присоединяется сознательное».⁵

⁴ Там же, т. I, М., 1956, стр. 509.

⁵ Там же, т. III, стр. 627.

Критикуя вульгаризаторский подход к вопросу о классовости идей того или иного мыслителя, Плеханов указывает, что философы, выражая идеи прогрессивных господствующих классов, вовсе, как правило, сознательно не фальсифицировали представления о действительности, а были искренне убеждены в правильности их. Но по мере того, как господствующий класс из прогрессивного делался консервативным, по мере этого «бессознательное лицемерие» класса становилось сознательным лицемерием его представителей в области философии.

Плеханов подчеркивает, что лицемерие и, следовательно, фальсификация выводов философского знания присуща господствующим эксплуататорским классам всегда, но особенно в период их заката. В наше время по мере обострения классовой борьбы буржуазия все больше утрачивает способность объективного познания, отвергает материализм. Для ее представителей в области философии и других общественных наук сознательное лицемерие приобретает все большее значение.

Сфера философии по сравнению с правом, политэкономией и другими подобными науками непосредственно не отражает политику и экономические интересы класса. Связь ее с политикой и экономикой опосредствуется, поэтому проследить ее не так легко.

Как указывает Плеханов, существует сложность и противоречивость процесса развития философской мысли и ее связи с политическими взглядами мыслителей. В системах философских взглядов отражаются интересы определенных классов. Однако философ иногда, развивая прогрессивные в своей области взгляды, оказывается в плену консервативных, реакционных политических взглядов и наоборот: в своих философских воззрениях он может занимать реакционную позицию, а в политической области отстаивать прогрессивные взгляды. «Мыслитель, — писал Плеханов, — сочувствующий *реакционным* стремлениям в общественной жизни может тем не менее создать философскую систему, заслуживающую полного *внимания* и даже *сочувствия* со стороны *прогрессистов*. Надо уметь различать между *теоретическими посылками* данного писателя и теми *практическими выводами*, которые он сам делает из своих теоретических посылок. Практические выводы могут быть неверны или враждебны делу человеческого прогресса. Но в то же самое время *посылки*, лежащие в основе этих неверных или вредных *выводов*, могут быть и *верны*, и *полезны*, — полезны в том смысле, что, *будучи правильно истолкованы*, они дадут новый довод или даже целый ряд доводов в защиту *прогрессивных* стремлений. Вот почему такие эпитеты, как реакционер или прогрессист, никоим образом не характеризуют теоретических заслуг или ошибок данного философа. Кто хочет уничтожить этого философа во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть теоретическую часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое *стремление* или

на то влияние общественной среды, которое побудило мыслителя исказить истину или помешало ему додуматься до нее. При соблюдении этого условия указание на политические симпатии мыслителя (реакционер, прогрессист и т. д.) будет содействовать выяснению генезиса (происхождения) его заблуждений».⁶

Плеханов неоднократно осуждал вульгаризаторский подход к философским системам прошлого. В этой связи он подверг резкой критике Черкезова за его неверную и пошлую оценку философии Гегеля, а Шулятикова — за непонимание сложности решения философских вопросов в плане теоретическом и социальном.

Классовость философии, по его мнению, раскрывается через отношение философской системы к религии, науке и к философским идеям прошлого.

В анализе истории философии Плеханов последовательно руководствовался материалистическим пониманием истории. История мышления, указывал он, обуславливается историей бытия. Идеалистический взгляд на историю философии как на филиацию идей вне связи с развитием экономических и социальных отношений людей, вне связи с историей отношений и борьбы классов Плеханов подверг резкой критике. «Мы знаем, — замечает он, — что иногда переход от одной философской системы или от одной школы в искусстве к другой совершается очень быстро, в течение нескольких лет, иногда же для него требуются целые столетия. Откуда происходит это различие? Логическая филиация идей совершенно его не объясняет. Не объясняют ничего и указания общеизвестной школьной мудрости на взаимодействие и на случайные причины».⁷

Буржуазные историки философии исходят в своих концепциях философского процесса из принципа абсолютной самостоятельности идей, что не отвечает действительности.

История философии, по мнению Плеханова, не представляет собой беспорядочного и случайного следования друг за другом важнейших идей, но она вместе с тем не является и предопределенной с самого начала непротиворечивой линией развития, независимой от общественных отношений людей. История философии не обуславливается духовным принципом, заложенным внутри себя. Гегель утверждал, что история философии является таким «движением, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей».⁸ Для него движущим началом ее истории является внутренняя диалектика форм мышления. В этой связи Плеханов справедливо замечает: «Историки современного идеализма, например, совершенно удовлетворены, если им удастся объяснить, каким образом философия Спинозы была порождена философией Декарта, философия Фихте — философией Канта и так далее. Но действи-

⁶ Там же, т. II, М., 1956, стр. 682—683.

⁷ Там же, т. I, стр. 426.

⁸ Гегель, Сочинения, т. IX, М.—Л., 1929, стр. 40.

тельно ли эта логическая связь систем есть в истории философии?».⁹

Конечно, продолжает он, история философии не представляет собой ровный процесс умственного развития, простую смену категорий, спокойную филиацию идей, независимую от социально-политической жизни и в конечном счете от характера производственных отношений.

Не отвергая логической связи идей вследствие относительной самостоятельности их, Плеханов вместе с тем требует социально-политического анализа философских систем. В черновом варианте к «Очеркам по истории материализма» он справедливо писал: «... в писаниях французских материалистов прошлого века все, начиная с ненависти к привилегированному, сопровождаемое страхом пред „чернью“ и кончая борьбой с богом, старым „тираном“, отражает тенденции наиболее просвещенных слоев тогдашней буржуазии. Пересаженная в другую социальную среду материалистическая доктрина исчезла бы, или же, если бы какие-либо обстоятельства — тоже социального свойства — оградил ее от смерти, характер ее изменился бы. Например: английский материализм того же столетия».¹⁰

Подвергая критике позицию историка философии Ф. Ибервега, Плеханов писал о нем: «Он дал нам только то, что обыкновенно дают нам историки философии, — простое чередование философских систем: такая-то система породила такую-то, а эта последняя в свою очередь породила третью и т. д. Но чередование философских систем есть только факт, нечто данное, как выражаются в настоящее время, что требует своего объяснения и чего не может объяснить „имманентная диалектика умозрительных принципов“».¹¹

Следуя за Марксом и Энгельсом, Плеханов дает глубокие социально-экономические характеристики философских учений. В своем произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он обосновывает положение о том, что философские учения исходят в своем развитии из философских идей прошлого, но способ и характер заимствования, а также изменение или отрицание их определяются общественной средой, в которой решающую роль играет классовая борьба.

Между философскими учениями различных стран и эпох существует сложное и разностороннее взаимодействие. Но оно, справедливо указывает Плеханов, не раскрывает нам действительных причин развития философских идей и систем, усложнение их или появление новых. «Чтобы понять взаимодействие, — писал он, —

⁹ Архив Дома Г. В. Плеханова, Черновой вариант к «Очеркам по истории материализма», Р. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 175.

надо выяснить себе свойства взаимодействующих сил, а эти свойства не могут найти себе последнее объяснение в факте взаимодействия, как бы ни изменялись они благодаря ему». ¹² Для этого необходимо обратиться к выяснению социально-экономических причин.

Иллюстрируя это положение, Плеханов приводит многочисленные примеры из истории философии. «Французские философы, — писал он, — восхищались философией Локка. Но они шли гораздо дальше своего учителя. Это потому, что тот класс, который они представляли, во Франции ушел в своей борьбе против старого режима гораздо дальше того класса английского общества, стремления которого выразились в философских сочинениях Локка». ¹³

Проанализировав основное положение марксизма о зависимости содержания философии от социально-экономических условий эпохи и особенно от классовой борьбы своего времени, Плеханов указывает, что марксизм одновременно требует выяснения идеологической связи философских идей с предшествующим развитием философии.

Касаясь общего закона развития идеологии, Плеханов сформулировал его следующим образом: «До сих пор мы говорили, что, раз даны производительные силы общества, дана и его структура, а следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно с точностью умозаключить о складе его идей. Но это не так, потому что идеологии каждого данного времени всегда стоят в теснейшей — положительной или отрицательной связи с идеологиями предшествующего времени. „Состояние умов“ всякого данного времени можно понять только в связи с состоянием умов предшествующей эпохи. Конечно, ни один класс не станет увлекаться такими идеями, которые противоречат его стремлениям. Каждый класс всегда прекрасно, хотя и бессознательно, приспособляется к своим экономическим нуждам свои „идеалы“. Но это приспособление может произойти различным образом, и почему оно совершается так, а не иначе, это объясняется не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонисту (или к его антагонистам). С появлением классов противоречие становится не только движущим, но и формирующим началом». ¹⁴

При решении вопроса об относительной самостоятельности философии Плеханов особое внимание обращает на проблему исторической преемственности связи. Говорит ли он о французском материализме, о системе и методе Гегеля, рассматривает ли он философские взгляды русских революционных демократов или ана-

¹² Там же, т. I, стр. 660.

¹³ Там же, стр. 658.

¹⁴ Там же, стр. 666.

лизирует марксистскую философию — всегда он всесторонне раскрывает их идейную связь с предшествующим развитием философских учений. В этом заключается сильная сторона произведений Плеханова по истории философии. Здесь он оказался глубоким исследователем.

Вместе с тем следует отметить, что Плеханов в меньшей мере анализировал отличие и принципиальную противоположность философских учений. Это приводило его иногда к неверным решениям и выводам. Так, например, подчеркивая историческую преемственную связь материализма Фейербаха и материализма Маркса, он не всегда умел в этом случае раскрыть качественное отличие двух различных форм материализма, хотя, как мы уже говорили, в общей форме он справедливо указывал, что Маркс произвел революцию в области философии.

Анализируя процесс смены одних философских учений другими и указывая на необходимость объяснить причины этого из условий социально-экономических отношений эпохи, Плеханов вместе с тем требовал выяснения предшествующих философских идей. Без такого анализа невозможно понять характер новых философских учений. Эту закономерность Плеханов формулировал следующим образом: «... чтобы понять „состояние умов“ каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему в течение этой эпохи торжествуют именно те, а не другие учения, надо предварительно ознакомиться с „состоянием умов“ в предыдущую эпоху; надо узнать, какие учения и направления тогда господствовали. Без этого мы совсем не поймем умственного состояния данной эпохи, как бы хорошо мы ни узнали ее экономию». ¹⁵

Исключительно глубоко и разносторонне выясняет Плеханов генетическую логическую связь философских идей. Здесь пока в общей форме мы упомянем об анализе им философских источников марксистской философии, о развитии социологических представлений, о философских взглядах предшественников Гегеля и т. д. Плеханов показывает, как под влиянием новой исторической обстановки и новой классовой идеологии философские идеи трансформируются, приобретают специфический смысл и новое значение.

Таковы общие принципиальные, методологические положения, которые развивает Плеханов, анализируя историю философии.

Остановимся на конкретной разработке им отдельных разделов всемирной истории философии. Прежде всего следует подчеркнуть, что Плеханов в борьбе с западноевропейскими буржуазными теоретиками и народническими идеологами в России разрабатывает историю материализма, прослеживая во всемирной истории материалистическую традицию. В этом плане серьезное значение приобретает его критика буржуазных историков философии — К. Фишера, Ф. Ланге, Д. Льюиса, Ф. Ибервега и других, которые фаль-

¹⁵ Там же, стр. 662.

сифицировали историю материализма, превращали историю философии в историю идеалистических систем. Одной из крупных исторических заслуг Плеханова является анализ им французского материализма, который он считал типичным для прошлого материализма. Плеханов является первым марксистским историком, рассмотревшим социальную и теоретическую сущность французского материализма, исходя из принципиальных положений Маркса и Энгельса.

В разработке Плехановым вопроса о французском материализме значительную роль сыграли работа Маркса «Святое семейство» и книга Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». 25 марта 1893 г. Плеханов писал Энгельсу из Женевы: «Я теперь готовлю ряд статей (для „Neue Zeit“) о Гольбахе, Гельвеции и Марксе; чем больше выясняются мои мысли о французском материализме XVIII века, тем более я восхищаюсь написанными вами страницами по этому вопросу в вашей работе „Людвиг Фейербах“ и т. д.»¹⁶

Плеханов считал, что, для того чтобы убедительно доказать всю ценность и все значение материалистического понимания истории, следует написать историю материализма. «Не имея возможности сделать это, — замечает он, — я вынужден был ограничиться сравнением в отдельных монографиях французского материализма XVIII века с современным материализмом».¹⁷

Историю философии он рассматривал в плане анализа воззрений, подготавливающих современный материализм. Для него история философии, представляя собой историю борьбы материализма и идеализма, является историей роста и развития человеческого познания, обогащения его новыми прогрессивными идеями. Дialeктика развития философских учений сложна в условиях классовых антагонистических противоречий общества. Она характеризуется противоречивостью развития философских систем и их борьбой между собой даже в пределах материализма. Философские учения на великом кругу человеческого познания выступают в своем отношении к нему неравноценными. Некоторые из них сыграли исключительную роль в постановке и разработке проблем теории познания, другие — только затронули их. Немало было ошибочных и превратных суждений, односторонних утверждений, отвергнутых жизнью и развитием научного познания положений.

В условиях антагонистического общества процесс развития познания совершается крайне неравномерно, стихийно, в различных странах он приобретает свои особенности, которые нередко затемняют общий его результат. Он характеризуется у ряда фило-

¹⁶ Группа «Освобождение труда», сб. № 2, М., 1924, стр. 313.

¹⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 33.

софских направлений односторонностью постановки вопроса, резким огрублением отдельных теоретико-познавательных вопросов, иногда уклонением от истины.

Но общим итогом его является поступательный ход, разработка проблем и категорий, несмотря на отдельные отклонения от этой исторической магистрали. Такого рода отступления объяснялись рядом причин. Марксизм, указывал Плеханов, выяснил эти причины, указав на развитие и изменение социально-экономических и политических отношений в обществе, а также в связи с этим на рост естественных и общественных наук. В этом заключались в конечном счете живые, побудительные мотивы развития материалистического процесса познания, определившие его направление развития. Марксизм подверг всесторонней и глубокой критике идеалистическую концепцию истории философии как истории развития чистой мысли.

В истории развития философской мысли, указывает Плеханов, были подъемы, которые характеризовались возникновением крупных философских систем. Среди последних он отмечал французский материализм.

Французскому материализму он отвел значительное место в двух своих больших работах — «Очерки по истории материализма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Как теперь установлено,¹⁸ содержание «Очерков по истории материализма» представляет собой материалы, которые готовились Плехановым для работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Главы «Французский материализм XVIII столетия», «Французские историки времен реставрации», «Социальные утописты», «Идеалистическая немецкая философия» были первоначально написаны и обработаны для предложенной Плеханову Германской социал-демократической партией «Истории социального движения во Франции».

В предисловии к «Очеркам» Плеханов справедливо писал, что философские воззрения, особенно исторические идеи французских материалистов, освещались в существующей буржуазной литературе неправильно и даже извращались. Что касается исторических воззрений Гольбаха, то они в литературе вообще игнорировались.

Подчеркивая особенность и существо марксистской методологии, Плеханов писал в своем исследовании взглядов французского материализма: «С точки зрения той школы, к которой я имею честь принадлежать, „идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней“. Кто хочет с этой точки зрения рассматривать историю идей, дол-

¹⁸ См.: И. С. Беленький. О работе Г. В. Плеханова «Очерки по истории материализма». Философские науки, 1959, № 4.

жен стараться объяснить, как и каким образом идеи той или иной эпохи были порождены ее социальными условиями, т. е. в конечном счете ее экономическими отношениями. Дать такое объяснение — это огромная и благородная задача, разрешение которой совершенно преобразует историю *идеологий*.¹⁹

В. И. Ленин, выступая против неокантианской ревизии марксизма, ссылался на «Очерки по истории материализма» Плеханова как на марксистское произведение, в котором дано стройное и цельное изложение диалектического материализма и показано, что диалектический материализм является законным и неизбежным результатом всего новейшего развития философии и общественной науки.

«Очерки по истории материализма» Плеханова имели злободневный характер в период философской реакции, народнических наскоков на материализм и неокантианской ревизии марксизма. Он подчеркивал, что буржуазные историки философии вроде Иберверга, Ланге и других искажают историю материализма, выдвигают превратные суждения о материализме и стремятся замолчать современный материализм Маркса. Подобное положение было характерно и для России, где реакционный журнал «Вопросы философии и психологии» всячески третирует материализм.

В своем анализе французского материализма главное внимание он уделяет учению о человеке и историческим взглядам Гольбаха и Гельвеция. И в этом его сильная сторона. Плеханов впервые представил французских материалистов в новом свете. Важно при этом заметить, что его оценка взглядов французских материалистов покоилась на сопоставлении с итогами современной науки и марксистским материализмом. Изложение их он ведет в процессе полемики с неокантианцами и прочими современными идеалистами. В этом наглядно раскрывается принцип партийности Плеханова в решении им историко-философских проблем.

Исходя из общей теоретической характеристики, данной Марксом и Энгельсом французскому материализму, Плеханов раскрывает не только его сильные моменты, но и слабые. «Бесспорно, — писал он, — слабая сторона французского материализма XVIII в., как вообще и всякого материализма до Маркса, состоит в почти полном отсутствии какой бы то ни было идеи эволюции. Правда, у таких людей, как Дидро, иногда бывали гениальные догадки, которые сделали бы честь самым выдающимся из наших современных эволюционистов; но эти прозрения не были связаны с сущностью их учения, они были только исключениями и, как исключения, только подтверждали правила. Будь то природа, мораль или история, „философы“ приступали к ним при одинаковом

¹⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 34—35.

отсутствии диалектического метода, с той же метафизической точкой зрения».²⁰

Давая в общем правильную оценку французскому материализму и подчеркивая его метафизическую сторону в соответствии с уровнем знания, достигнутого тогдашним естествознанием, Плеханов известным образом недооценивает тех некоторых элементов диалектики, которые были присущи французским материалистам и которые несомненно сыграли роль в дальнейшем развитии материализма и даже теоретических воззрений естествоиспытателей.

Что касается социальной сущности французского материализма, то Плеханов со всей ясностью подчеркивал, что «Материалистическая философия XVIII века была философией революционной. Она была идеологическим выражением борьбы революционной буржуазии против духовенства, дворянства и абсолютной монархии». ²¹ Именно эта социальная позиция определяла у французских материалистов содержание их прогрессивных теоретических воззрений и переработку ими предшествовавшего философского материала.

Анализируя взгляды Гольбаха и других французских материалистов на природу и возможность познания ее человеком, Плеханов раскрывает их материалистическую позицию, отмечая ее недостатки, проистекающие из их метафизического подхода к явлениям природы, а также из ограниченного уровня тогдашнего естествознания. Он полемизирует с неокантианцами, третирующими основные положения материализма, в частности воззрения Гольбаха. Но в процессе полемики Плеханов не всегда точен в решении некоторых вопросов гносеологии.

Одним из недостатков в освещении взглядов французских материалистов у Плеханова является неточная трактовка их теории познания. Он преувеличивал сенсуалистическую ограниченность учения о познании французского материализма, не обратив должного внимания на значение анализа Д. Дидро. Плеханов неправомерно сближал взгляды французских материалистов с позицией Канта по вопросу о познаваемости мира.

Эти неточности, означающие теоретические уступки противникам материализма, повторяются им в различной форме и в последующих работах, в которых он сопоставляет взгляды материалистов и Канта на познание «вещи в себе». Плеханов, приводя отдельные формулировки Гольбаха, в которых тот отмечает отсутствие полного знания нами сущности материи, сближает позицию французского материализма с кантовской постановкой вопроса. Он даже заявил, что «Кант и французские материалисты стояли в сущности на одной точке зрения, но пользовались ею различно и потому приходили к различным выводам сообразно

²⁰ Там же, стр. 43.

²¹ Там же, стр. 45—46.

с различиями в свойствах тех общественных отношений, под влиянием которых они жили и мыслили».²²

Этот взгляд Плеханова был усугублен Дебориним в книге «Введение в философию диалектического материализма», в которой утверждалось, что французские материалисты были агностиками. В. И. Ленин в своих заметках на эту книгу в связи с подобной характеристикой теоретико-познавательных взглядов французского материализма коротко заметил: «Вранье».

Следует вспомнить, что с критикой взглядов Плеханова выступил в 1899 г. Водэн (Alexis Nedow) в «Sozialistische Monatshefte» (№ 3) в статье «Plechanow versus Ding an sich». В письме к Л. Аксельрод 13 апреля 1899 г. Плеханов писал: «Водэн упрекает меня в том, что истолковываю французских материалистов в духе Канта и приводит во вносных знаках слова „völlig im Sinne Kants“... Кантианцем я себя ни в каком смысле признать не могу: основа кантианства (поскольку кантианство не переходит в фиктеанизм) есть именно указанное противоречие — непознаваемость внешнего мира, который, однако, действует на нас и пр. Если я говорил Бернштейну, что материалисты высказывались иногда „völlig im Sinne Kants“, то это было иронически; материалисты не отрицали возможности познания внешнего мира, а кантианец должен отрицать ее. Материалисты говорили: мы знаем вещи в себе, поскольку они на нас действуют, а как они выглядят независимо от нас, нам неизвестно. Я прибавляю к этому (в первой статье против Шмидта), что недела самая постановка вопроса: знать, как вещи выглядят, когда нет глядящего, иначе: знать, как действовали бы они на мои органы в том случае, если бы они на них не действовали».²³

Эти разъяснения Плеханова нельзя не признать удовлетворительными. Однако неточные и даже ошибочные формулировки Плеханова неизбежно вызывали сомнения.

Видный советский историк философии М. Т. Иовчук объясняет такой подход Плеханова следующим образом: «В статьях, направленных против бернштейнцев, в „Очерках по истории материализма“ и других работах Плеханов, желая показать, как далеко неокантианцы ушли вправо от Канта, отступили от материалистического элемента, содержащегося в философии Канта, увлекается, впадает в односторонность и допускает ошибку».²⁴

Это объяснение безусловно справедливо. Нам представляется, что здесь нужно учитывать еще и другое обстоятельство. Плеханов никогда глубоко не ставил вопроса о марксистской теории познания как диалектике. Поэтому он часто проходил мимо теоретико-

познавательных вопросов в марксизме, ограничивался нередко поверхностными суждениями. И потому не случайно им были допущены отдельные ошибки в характеристике кантовской «вещи в себе» и отношения к этой части учения Канта со стороны материалистов в период его критики Бернштейна и К. Шмидта. На сущности этих ошибок мы уже останавливались.

В процессе работы над рукописью статьи О. Блюма о Махе Плеханов делает ряд примечаний, которые свидетельствуют о более правильном подходе в решении данного вопроса. Блюм писал: «Напр., Гельвеций и Гольбах похожи в этом (гносеологическом, — Б. Ч.) смысле скорее на Канта: как и он, они стояли на точке зрения непознаваемости „вещи в себе“. Гольбах говорил с достоверностью лишь о „коре явлений“. Фейербах же, напротив, был далек от подобной постановки вопроса. Он с полной определенностью говорил о зависимости мышления от бытия».²⁵ Плеханов к этому месту делает следующее примечание: «Тут мы опять вынуждены возразить... Признание французскими материалистами того положения, что мы познаем „только кору явлений“, не помешало им признавать и утверждать в печати зависимость мышления от бытия. Философия Фейербаха вообще очень близка к французскому материализму XVIII века, особенно к той его разновидности, которую представлял Ламетри».²⁶ В другом примечании Плеханов писал: «Говоря о „коре явлений“ мы, что понятно само собой, вовсе не разделяем Гольбаховского противопоставления „коры явлений“ „вещам в себе“. Но поскольку для теоретических целей позволительно отделять материю от возбуждаемых ею опытных представлений, постольку мы и хотим сказать, что Мах из-за деревьев не видит леса, т. е., что он обращает внимание лишь на названные представления, забывая о том, что их вызывает, т. е. забывая об их причинах. Вот и все».²⁷

Выступая против фальсификации истории материализма, Плеханов излагает основные принципы учения французских материалистов о человеке, подробно и глубоко анализирует их общественно-политические взгляды. Он отмечает передовой характер мировоззрения Гольбаха и Гельвеция, соответствие их взглядов исторической эпохе и развитию науки.

В существовавшую в философской литературе оценку здесь он внес новое, показав, что Гольбах и Гельвеций смотрели на человека под углом зрения его отношений к природе и к обществу, со стороны в целом среды. Для них человек со всеми своими взглядами и чувствами есть то, что делает из него окружающая среда — природа и общество. «Этот взгляд на человека, — по мнению Плеханова, — как на плод окружающей среды, был главной теоретиче-

²² Там же, т. I, стр. 513.

²³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, М., 1934, стр. 312, 314.

²⁴ М. Т. Иовчук. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 111.

²⁵ Архив Дома Г. В. Плеханова, ч. 20, № 6324, л. 41 (прим.).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 57.

ской основой *новаторских требований* французских материалистов. В самом деле, если человек зависит от окружающей его среды, если он обязан ей *всеми* свойствами своего характера, то он обязан ей, между прочим, и своими недостатками; следовательно, если вы хотите бороться с его недостатками, вы должны надлежащим образом видоизменить окружающую его среду, и притом именно *общественную* среду, потому что природа не делает человека ни злым, ни добрым». ²⁸

Плеханов показывает, что французские материалисты не смогли решить этой социологической проблемы, и дает всесторонний анализ тем противоречиям, которые возникли у французских материалистов в постановке и в попытке решения этого важного вопроса: «... мнения людей определяются средою; среда определяется мнением». Они в конечном счете приходили к выводу, что мнения правят миром.

В своем глубоком и всестороннем анализе Плеханов приходил к заключению, что метафизический материализм не мог разрешить этой антитезы. Для этого необходимо было встать на позицию диалектического материализма. Представители метафизического мировоззрения могли подняться лишь до признания взаимодействия сторон общественной жизни. Но взаимодействие ничего не объясняет в историческом процессе. «Материалистам XVIII века, — замечает Плеханов, — не дано было знать, „общественное ли мнение“ образует социальную среду или социальная среда — „общественное мнение“. И в самом деле, для того, кто не может покинуть метафизической точки зрения, нет ничего труднее, чем ответ на этот вопрос». ²⁹

Плеханов впервые в марксистской литературе обстоятельно проанализировал социологические и особенно этические воззрения французских материалистов. Касаясь последних, на примере Гельвеция он показывает, что их основой является материалистический сенсуализм, который был им заимствован от Локка и далее развит и усовершенствован. Выясняя исходную позицию Гельвеция в вопросе происхождения нравственных чувств, Плеханов замечает: «Автор книги „Об уме“ был единственным философом XVIII столетия, осмелившимся затронуть вопрос о *происхождении* нравственных чувств. Он был единственным, осмелившимся вывести их из „чувственного ощущения“ человека». ³⁰

Раскрывая сущность натуралистического подхода французских материалистов к нравственным чувствам индивида, Плеханов показывает трудности и противоречия у них при переходе к морали в обществе. «Противоречия, — писал он, — в которых запутывается

Гельвеций, как мы уже неоднократно отмечали, являются следствием его метафизического метода». ³¹ Попытка Гельвеция обосновать тезис о том, что общественный интерес составляет основание и санкцию морали, не могла увенчаться успехом. Он не сумел отыскать нити перехода.

Вместе с тем Плеханов подчеркивает, что Гельвеций и другие французские материалисты в своих суждениях об основах морали в обществе, о причинах различных законодательств в государствах, о причинах бедности в обществе и так далее подошли к вопросу о причинах исторического развития человечества. «Французские материалисты, — констатирует он, — вплотную подошли к этой задаче, но не сумели не только разрешить ее, а даже правильно поставить». ³²

Все же Плеханов высоко оценивает прогрессивные взгляды французских материалистов, в частности анализ Гельвецием общественных отношений и их связи с материальными нуждами. Он замечает, что Гельвеций «делает в высшей степени интересную, до сих пор не оцененную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитие человечества *материальными его нуждами*. Эта попытка окончилась, да по многим причинам и не могла не окончиться, неудачей. Но она осталась как бы завещанием для тех мыслителей следующего века, которые захотели бы продолжить дело французских материалистов». ³³

Коренным недостатком французского материализма был его метафизический характер. Отмечая элементы диалектики у Дидро, Гельвеция, Плеханов справедливо считал, что отсутствие во взглядах французских материалистов идеи развития дало преимущество идеалистической философии XIX в.

В произведениях Плеханова мы находим лучшее для своего времени изложение и оценку французского материализма XVIII в.

Заслугой Плеханова в истории философии являлось выяснение исторической необходимости перехода от метафизики к диалектике и от идеалистической диалектики к диалектике материалистической. Он вскрывает как социальную, так и гносеологическую стороны проблемы. Характеризуя последнюю, Плеханов отмечал, что ограниченность французского материализма заключалась прежде всего в неспособности усвоить теорию развития. Он писал, что «бессилие французского материализма перед вопросами развития в природе и в истории делало очень бедным его философское содержание. В учении о природе содержание это сводилось к борьбе против одностороннего понятия *дуалистов* о материи; в учении о человеке оно ограничивалось бесконечным повторением и некоторым видоизменением локковского положения: *нет врожденных*

²⁸ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 513—514.

²⁹ Там же, т. II, стр. 76.

³⁰ Там же, стр. 89.

³¹ Там же, стр. 101.

³² Там же, т. I, стр. 514.

³³ Там же, стр. 521.

идей. Как ни полезно было такое повторение в борьбе против отживших нравственных и политических теорий, серьезное научное значение оно могло иметь только в том случае, если бы материалистам удалось применить свою мысль к объяснению духовного развития человечества». ³⁴

Вторым недостатком старого материализма, по мнению Плеханова, явилась неспособность покинуть натуралистическую точку зрения и вскрыть законы социальной жизни путем анализа общественных отношений.

Метафизический характер французского материализма, справедливо указывал Плеханов, находил свое выражение в антиисторическом подходе к общественным отношениям. Французские материалисты, отмечал он, «восставали против современных им отношений во имя „вечных прав разума“ и проповедовали „естественное право“, „естественную религию“, „естественные законы“ общественного устройства. Но назвать данные, желательные нам отношения, „естественными“ — значит признать себя неспособным понять и указать их историческое значение, а следовательно, и их историческую необходимость». ³⁵

К 90-м годам относится анализ Плехановым философии Гегеля и ее исторической роли в развитии марксистской философии. Его произведение «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» принадлежит к лучшим образцам изложения гегелевской философии и ее оценки в марксистской философии. ³⁶

Глубокое понимание Плехановым философии Гегеля и ее значения для марксизма получило высокую оценку Энгельса. ³⁷ Плеханов был рад и горд отзывом Энгельса, которому он в связи с этим писал: «Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов обо мне Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы». ³⁸

Анализ философии Гегеля, кроме указанной статьи, дан Плехановым в «Очерках истории материализма», в произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в комментариях к работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и др.

В статье о Гегеле Плеханов, отмечая цель ее, писал: «В предлагаемой статье мы хотим сделать попытку оценить философско-

³⁴ Там же, стр. 565.

³⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, стр. 30.

³⁶ Статья была опубликована в «Neue Zeit» (ноябрь 1891, №№ 7, 8 и 9) и затем во французском журнале «L'ère nouvelle» (1894, №№ 10 и 11). На русском языке она вышла в свет лишь в 1906 г.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, М., 1940, стр. 394.

³⁸ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 325.

исторические взгляды великого немецкого мыслителя. В общих чертах это уже сделано рукою мастера в превосходных статьях Энгельса „Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie“, напечатанных в „Neue Zeit“ и потом появившихся в виде отдельной брошюры. Но мы думаем, что названные взгляды Гегеля вполне заслуживают более подробного рассмотрения». ³⁹

Рассматривая социально-политический аспект философской системы Гегеля, Плеханов указывал, что «сам Гегель был серьезно убежден в том, что его система служит лучшим оплотом против либеральных и революционных учений. Но в этой философии было роковое противоречие». ⁴⁰ Гегель «утверждал, что современная ему эпоха соответствует старости человеческого рода и таким образом неспособна к дальнейшему прогрессивному развитию, к дальнейшим существенным изменениям в понятиях людей и в их общественных отношениях. Отсюда — убеждение в консервативном характере своей философии». ⁴¹

Плеханов пророчески писал, что представители буржуазии в будущем вынуждены будут обратиться к рассмотрению гегелевской философии, которая послужила одним из теоретических источников марксистской теории, под знаменем которой развивается рабочее движение. «И вот почему можно наперед предсказать, что хотя интерес к Гегелю и оживится в образованных классах, но что они уже никогда не будут относиться к нему с той глубокой симпатией, какую они питали к нему лет шестьдесят тому назад в странах немецкой культуры. Напротив, буржуазные ученые с жаром примутся за „критический пересмотр“ философии Гегеля, и много докторских дипломов приобретено будет в борьбе с „крайностями“ и „логическим произволом“ покойного профессора». ⁴²

Действительно, как мы знаем, в конце XIX в. возникает новое реакционное течение в философии — неогегельянство. Оно с самого начала оказалось связанным и слитым с реакционной идеологией пруссачества. Неогегельянцы в лице Лассона, Дельбрюка, Шпенглера, Шпана выдвинули воинствующую реакционную программу, приложив все усилия к обоснованию диктатуры юнкерско-буржуазного государства, немецкого шовинизма и широкой империалистической политики Германии. В этом был его истинный политический смысл.

Все реакционное, все ограниченное и позорное, что гнездилось в философской системе Гегеля, оказалось вновь воспроизведенным для возвеличивания в условиях империализма хищнического юн-

³⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 423.

⁴⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, стр. 29.

⁴¹ Там же.

⁴² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 423.

керско-буржуазного государства Германии и господствовавшего в нем духа шовинизма и нетерпимости к другим народам. Высокомерно-презрительное отношение неогегельянцев к народным массам сочеталось у них с социальной демагогией и развращением народного сознания ядом воинственного прусского национализма.

После мировой войны 1914—1918 гг. этот реакционный ренессанс Гегеля особенно раскрылся и получил отражение в социал-демократии. В социал-демократических книгах, брошюрах, журналах и даже газетах заговорили о «великой роли» Гегеля в прошлом, настоящем и будущем. В «Vorwärts» появился ряд статей. Так, Гримм в статье «Hegel und unsere Zeit» силился представить философию Гегеля непреходящей, влияние которой совершается непрерывно. Реакционные идеологи немецкой и австрийской социал-демократии использовали неогегельянство как средство дальнейшей фальсификации марксизма, как орудие борьбы против материализма. Неогегельянство в руках оппортунистов стало учением, которое должно было философски обосновать необходимость союза пролетариата с немецкой буржуазией и юнкерством, необходимость поддержки капиталистического строя. Примирение — одна из центральных идей неогегельянства — было поставлено на службу буржуазной политике социал-демократии.

В своем анализе гегелевской философии Плеханов обращает внимание на то, что значение Гегеля в общественной науке прежде всего определяется тем, что он рассматривал все явления не метафизически, в статике, а в их развитии.

В связи с этим Плеханов в статье о Гегеле анализирует его историко-философскую концепцию. Он отмечает следующие ее прогрессивные положения: философия является истиной своего времени; философские системы находятся в исторически преемственной связи между собой; поступательное развитие философии определяется единым принципом.

Вместе с тем Плеханов показывает, что гегелевская концепция в силу своей идеалистичности не свободна от противоречий и что она заключает в себе «самое лучшее, самое неопровержимое доказательство несостоятельности идеализма».⁴³

Раскрывая противоречия между системой и методом в философии, Плеханов справедливо указывал: «Гегель насилывал (когда насилывал) факты вовсе не потому, что он держался диалектического метода, который требовал величайшего внимания к действительным отношениям вещей. Насилие над фактами становилось иногда неизбежно для Гегеля благодаря идеализму, насквозь пропитывавшему его философскую систему».⁴⁴

Высоко ценя историю философии Гегеля и некоторые методологические принципы ее построения, Плеханов вместе с тем под-

⁴³ Там же, стр. 430.

⁴⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, М., 1938, стр. 184.

верг критике его идеалистическую концепцию в целом, его общий принцип филиации идей. Исходя из положений Маркса и Энгельса, он стремится материалистически переработать ценное и прогрессивное во взглядах Гегеля на историю философии.

Под углом зрения того прогрессивного, что имеется в философии Гегеля, — диалектики — Плеханов рассматривает и оценивает его философию истории. Он подчеркивает прежде всего, в противоположность современным эклектическим взглядам на историю, гегелевский монистический принцип. «Мы должны, — замечает Плеханов, — согласиться с Гегелем, что и нравы и политическое устройство происходят из одного общего источника. Каков именно этот источник, на это указывает нам современное материалистическое объяснение истории, о котором мы заметим пока только то, что гг. эклектики понимают его с таким же трудом, с каким они проникают в тайны диаметрально противоположных ему идеалистических взглядов Гегеля».⁴⁵

В своем анализе философии истории Гегеля Плеханов вскрывает противоречия, которые были неизбежны в ней вследствие ее идеалистического характера. Эти противоречия возникали между общим идеалистическим принципом, сформулированным Гегелем, и его конкретными эмпирическими изысканиями. «В качестве идеалиста, — резюмирует он, — Гегель не мог смотреть на историю иначе, как с идеалистической точки зрения; он употребил все силы своего гениального ума, все колоссальные средства своей диалектики для того, чтобы придать сколько-нибудь научный характер идеалистическому пониманию истории. Его попытка оказалась неудачной. Его самого как будто не удовлетворяли добытые им результаты, и он часто вынужден был с туманных высот идеализма спускаться на конкретную почву экономических отношений. *Всякий раз, когда он обращался к ней, экономия снимала его с тех мелей, на которые заводил его идеализм.*»⁴⁶

Гегель нередко выдвигал плодотворные идеи в области истории вопреки своему идеализму. Он вынужден был вставать на реальную почву экономического развития. «Гегелю, величайшему из когда-либо существовавших идеалистов, удастся сделать понятным историческое движение только тогда, когда он покидает эту „идею“ и прибегает к политической экономии. Но прибегнуть к политической экономии — это значит в принципе признать, что человеческое мышление (Denken) формируется и развивается по образу бытия (Sein) человечества, что значит сказать „прости“ идеализму и вернуться к материализму в исторической области, почти совершенно игнорировавшейся материалистами предыдущей эпохи. Таким образом, Гегель собственноручно выдал testimonium

⁴⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 430.

⁴⁶ Там же, стр. 438.

panperatatis тому самому идеализму, величайшим представителем которого был».⁴⁷

Свой вывод Плеханов иллюстрирует рядом примеров. Конечно, отдельные правильные положения Гегеля относительно роли географической среды, экономики и социальных групп в развитии общества, приходившие во внутреннее противоречие с его идеалистическим пониманием истории, представляли собой лишь эпизоды. Но эти проблески материалистического подхода будили мысль и ставили под сомнение всю идеалистическую концепцию Гегеля. «Выражаясь терминами Гегеля, — указывает Плеханов, — можно сказать, что материализм оказывается истиной идеализма. И с такими неожиданными мы сплошь и рядом встречаемся в гегелевской философии истории».⁴⁸

Гегель, замечает Плеханов, рассыпает мимоходом ряд ценных замечаний о различных сторонах истории данного народа, выдвигает ряд материалистических догадок о роли географической среды, о возникновении государства, о связи брака с экономическими общественными тенденциями. В целом, однако, Гегель насилует действительную историю посредством идеализма. «Так как Гегель, — пишет Плеханов, — был не только диалектиком, но диалектиком-идеалистом, то он не мог подчас не извращать причинную связь явлений и вследствие этого, — и только вследствие этого, — современная наука о природе и об обществе расходится иногда — чаще в естествознании, реже в социологии, — очень сильно с гегелевской философией».⁴⁹

Плеханов справедливо подчеркивал, что значение Гегеля в философии и общественной науке определяется прежде всего тем, что он развил диалектику, которая явилась великим завоеванием немецкой философии. «Диалектика, — констатирует он, была известна и до Гегеля. Но Гегель сумел воспользоваться ею так, как никто из его предшественников. В руках гениального идеалиста она становится могучим орудием познания всего существующего».⁵⁰

В произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов развертывает анализ гегелевской диалектики, который был им подготовлен еще в статье о Гегеле и в «Очерках истории материализма». Важно заметить, что Плеханову приходилось защищать прогрессивное наследство Гегеля, и он вынужден был перед противником гегелевской диалектики подчеркивать преимущественно ее положительные стороны и революционные выводы, которые следуют из ее содержания.

⁴⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 12—13.

⁴⁸ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 434.

⁴⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 206.

⁵⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 443.

Плеханов вскрывает преимущественно «рациональное зерно» гегелевской диалектики, подвергая критике метафизический метод народников в его субъективистском истолковании. Выступая в защиту диалектики Гегеля от наскоков Михайловского и других народников, предъявивших обвинение Гегелю в софистическом употреблении триады, в схоластике, Плеханов раскрывает перед читателем действительное содержание гегелевской диалектики. Он замечает: «По Гегелю, диалектика есть принцип всякой жизни».⁵¹

Он высоко оценивает ее значение для жизни и науки. Диалектика, по его мнению, была решительным шагом вперед от господствовавшей ранее метафизики: «До тех пор, пока Гегель остается верен диалектическому методу, он является в высшей степени прогрессивным мыслителем».⁵²

Однако стремясь восстановить положительное содержание гегелевской диалектики, Плеханов сближает ее иногда с материалистической диалектикой. Очищая ее от абстрактно-формалистических наслоений, он невольно подчас приписывает Гегелю положения, которые вовсе не являются характерными для него. Читателя его произведений не всегда ощущает в достаточной мере принципиальную противоположность гегелевской и марксистской диалектики, хотя в целом Плеханов со всей ясностью подчеркивал слабые стороны диалектики Гегеля. Кто апеллирует для объяснения явлений природы или социальной эволюции к абсолютной идее, замечает он, тот покидает реальную почву фактов и вступает в чистое царство теней. Это делал Гегель, вопреки положениям своего диалектического метода, в угоду своей метафизической системе.

Плеханов анализирует принципы идеалистической диалектики, останавливая внимание читателя на трех основных положениях Гегеля: учении о противоречии, учении о переходе количественных изменений в качественные (о скачке), об отрицании отрицания. Он подчеркивает, что Гегель восстал против метафизического, уродливого истолкования развития, выдвинув свою новую, диалектическую точку зрения, в которой поставил вопрос об имманентном процессе развития, в котором решающую роль играют противоречия. Особенно детально Плеханов проанализировал сущность перехода количественных изменений в качественные.

Касаясь значения триады в философии Гегеля, он опровергает взгляды народников на ее сущность и значение, которое они приписывали ей. Он замечает, что «она вовсе не играет у Гегеля той роли, которую ей приписывают люди, не имеющие никакого понятия о философии этого мыслителя».⁵³ Плеханов говорит, что сам Гегель признавал не только трихотомию, но и тетрахотомию, четвертое деление. Вскрывая рациональную суть гегелевской триады,

⁵¹ Там же, стр. 566.

⁵² Там же, стр. 444.

⁵³ Там же, стр. 571.

он писал: «Всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою противоположность; но так как новое, противоположное первому явление также в свою очередь превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой».⁵⁴

В своих произведениях Плеханов не раз обращается к вопросу немецкой идеалистической философии, к характеристике взглядов Шеллинга, Канта. В обширных комментариях к работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1892) он конкретизирует анализ Энгельсом философии Канта, Гегеля и философских взглядов младогегельянцев, рисуя процесс разложения гегелевской школы философии. Им при этом выдвигаются некоторые глубокие и самостоятельные суждения, которые не могут не иметь известного значения при разработке марксистской истории философии. Правда, к этому времени в связи с анализом теории познания Канта в примечании к первому изданию «Людвиг Фейербах...» относится ложное утверждение Плеханова о так называемой теории иероглифов. Однако в целом он правильно ставил вопрос о познаваемости мира, развернув критику агностицизма и его новейших сторонников.

Защита Плехановым прогрессивных идей Гегеля против реакционеров в философии, против фальсификаторов их находилась в теснейшей связи с анализом им теоретических источников марксизма и сущности материалистической диалектики. Он указывал, что гегелевские гениальные догадки в отношении исторического процесса не могли стать реалистической концепцией на почве идеализма. На них в то время никто и не обращал внимания. «По прямому смыслу его философии, — замечает Плеханов, — вышло, что причины исторического движения всякого данного общества коренятся в его внутреннем развитии. Этим правильно указывалась важнейшая задача общественной науки. Но Гегель сам противоречил, да и не мог не противоречить, этому глубоко верному взгляду».⁵⁵

Его теоретическое обоснование важнейших общественных вопросов покоилось на идеалистической диалектике и потому не могло быть реалистическим. Требовалось создание диалектико-материалистического метода. Это решили Маркс и Энгельс.

Однако Плеханов вовсе не сводит теоретические источники марксистской философии только к прогрессивным идеям философии Гегеля. Касаясь, например, идеи развития и подчеркивая ее отсутствие во взглядах французского материализма, что и дало преимущество идеалистической философии XIX в., он замечает: «Со своей стороны и идеалистическая философия нашего века оказалась не способной разрешить проблему эволюции. Логические

⁵⁴ Там же, стр. 572.

⁵⁵ Там же, стр. 456.

законы эволюции, идеи, — вот орудие, которое эта философия пускает в ход каждый раз, когда нужно выяснить законы эволюции вселенной и рода человеческого. Но логические законы эволюции идеи ничего не объясняют нам в природе и в обществе».⁵⁶

Материалистическая философия Маркса была обогащена всеми завоеваниями теории развития. Плеханов не только ссылается при этом на диалектику Гегеля, но и на эволюционные идеи Канта и Лапласа, Ляйелля и Дарвина.

Он рассматривал современный материализм Маркса и Энгельса как результат предшествовавшего прогрессивного развития науки философии и социологических учений. Но это был вместе с тем разрыв с предшествовавшим, но с удержанием прогрессивного. В появлении философии марксизма, как мы видели, Плеханов усматривал великую революцию, какую только знает человеческая мысль.

В этой связи он оценивает состояние предшествовавшей философской мысли и анализирует теоретические источники марксистской философии, опираясь на положения, выдвинутые Энгельсом в своих философских трудах. Этому вопросу Плеханов посвящает ряд произведений, в частности «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

В борьбе с народниками он вскрывает историческую преемственную связь марксистской философии с предшествовавшим развитием прогрессивной мысли человечества. Разработка этого вопроса несомненно составляет его значительную заслугу. Дело в том, что противники марксизма, в частности народники, во-первых, отрицали принципиально новый характер материализма Маркса и, во-вторых, положение о том, что марксизм является законным результатом многовекового развития человеческой мысли.

Народники третировали материализм Маркса как узкое и одностороннее мировоззрение, будто бы повторяющее взгляды старых материалистов, а в вопросах метода — диалектику Гегеля. Отвечая народническим критикам, Плеханов доказывает прогрессивный характер французского материализма и материализма Фейербаха для своего времени, вскрывая вместе с тем односторонность и недостатки старого материализма, показывает новое в материализме Маркса.

Что касается диалектики Гегеля, то Плеханов в своем блестящем изложении сущности гегельянской философии раскрывает прогрессивное значение этого метода, одновременно подчеркивая его противоположность марксистской диалектике. «Диалектический метод, — писал он, — это самое главное научное оружие, которое досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму. Однако материализм не мог воспользо-

⁵⁶ Там же, т. II, стр. 451.

ваться диалектикой в ее идеалистическом виде. Необходимо было прежде всего освободить ее от мистического покрывала... Карл Маркс сказал о себе с полным правом, что его метод представляет собою полную противоположность методу Гегеля.⁵⁷

Таким образом, Плеханов, решая вопрос о теоретических источниках марксистской философии, указывал на французский материализм, на материализм Фейербаха и философию Гегеля.

Особое внимание он уделяет анализу взглядов французских историков периода реставрации — Минье, Тьерри, Гизо. В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а также в более поздних произведениях Плеханов исследует некоторые элементы материалистического понимания истории во взглядах указанных историков (постановка вопроса об имущественных отношениях как коренной основе общественного строя, о роли классово-борьбы в прошлой истории).

Чтобы понять исторические взгляды Маркса, заявлял Плеханов, нужно понять те теоретические результаты, к которым пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший марксистскому учению.

В этой связи представляют большой интерес лекции Плеханова «Материалистическое понимание истории», прочитанные им в марте 1901 г. в Женеве. Здесь Плеханов анализирует философию истории с эпохи феодализма и до наших дней и приходит к выводу: «Мы видим, таким образом, что со всех сторон — со стороны философии, как и со стороны истории в собственном смысле, и истории литературы, — эволюция общественной науки в ее различных отраслях приводила к одной и той же проблеме: *выяснить происхождение общественного строя*... К разрешению этой-то проблемы и стремился Маркс, когда он вырабатывал свое материалистическое понимание истории».⁵⁸

Произведения Плеханова имеют серьезное значение в установлении и анализе теоретических источников диалектического и исторического материализма. Правда, в некоторых случаях в них иногда неправомерно сближаются взгляды Маркса с воззрениями его идейных предшественников, не всегда в достаточной мере и основательно вскрывается то новое, что было развито основоположниками марксизма. Это относится к анализу Плехановым взглядов Гегеля, историков периода реставрации, а позже — Фейербаха.

Рассматривая отношение марксизма к прошлой истории философии, он не столько подчеркивал их качественное отличие, сколько то, что их соединяет. Это нашло свое отражение в его характеристике процесса эволюции философских взглядов Маркса и Энгельса.

⁵⁷ Там же, т. I, стр. 444.

⁵⁸ Там же, т. II, стр. 656—657.

Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, следует остановиться на анализе Плехановым мировоззрения Л. Фейербаха. В произведениях Плеханова 90-х годов и первых лет 900-х годов Фейербаху отводится небольшое место. С 1905 г., когда появилось предисловие Плеханова ко 2-му изданию брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», рамки исследования о Фейербахе раздвигаются. В работе «Основные вопросы марксизма» (1908) Плеханов дает общую характеристику и оценку взглядов Фейербаха и намечает общую линию схемы эволюции философских взглядов Маркса. В статье «От идеализма к материализму», опубликованной лишь в 1917 г., Плеханов подробным образом останавливается на философии Фейербаха и ее роли в развитии взглядов Маркса и Энгельса и в теснейшей связи с этим анализирует принятую им схему эволюции Маркса.

Плеханову принадлежит заслуга подробного разбора исторического значения философии Фейербаха. Он показал его роль в борьбе против идеализма Гегеля, дал наиболее подробный анализ его философских взглядов, рассмотрел значение феербаховского материализма в идейной подготовке философии марксизма и дал критику многим сторонам взглядов Фейербаха, выяснил его влияние на философию, особенно на взгляды русских мыслителей XIX в.

Плеханов писал, подчеркивая значительную роль философии Фейербаха: «Нельзя понять истории западноевропейской философии и западноевропейской общественной науки XIX в., не уяснив себе главнейших черт философии Гегеля и Фейербаха».⁵⁹ Вслед за Энгельсом он вскрывает основные положения материалистической философии, выясняет генезис его взглядов в связи с историей послегегелевской философии, дает отпор всем тем, которые пытались сблизить учение Фейербаха с махизмом и другими идеалистическими учениями.

В своем анализе воззрений Фейербаха Плеханов акцентирует внимание на положительных их моментах. Критика метафизического характера его материализма не получает у него своего достаточного развития. Это особенно характерно для его произведения «Основные вопросы марксизма».

В определении марксизма Плеханов справедливо подчеркивал, что марксизм является современным материализмом, представляющим собой высшую в настоящее время ступень в развитии материализма. Однако он находил, что только исторический материализм и политическая экономия «являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса».⁶⁰ Что касается вопроса философской стороны марксизма, то Плеханов, как и в более ранних произведениях, считал, что Фейербах являлся не только предшественником философских взглядов Маркса, но и создателем

⁵⁹ Там же, т. III, стр. 639.

⁶⁰ Там же, стр. 124.

их основы. Наиболее важная часть философии Фейербаха, по его мнению, навсегда вошла в философию Маркса и Энгельса. «Даже критикуя Фейербаха в своих тезисах, — замечает Плеханов, — Маркс нередко развивает и дополняет его же мысли».⁶¹ Рассмотрение основных положений философских взглядов Фейербаха привело его к убеждению, что теория познания Маркса не только по самой прямой линии происходит от теории познания Фейербаха, но собственно тождественна последней.

В историческом экскурсе в «Основных вопросах марксизма» Плеханов становится на путь сближения домарксистского материализма с диалектическим материализмом. На том основании, что материализм в любой его форме имеет общие посылки в решении основного вопроса философии, Плеханов совершенно неправомерно сближает и даже иногда отождествляет старый материализм с марксистским материализмом, преувеличивая историческую преемственную связь между ними. Он считал ошибкой рассматривать мирозерцание Маркса и Энгельса отлично от основы взглядов Фейербаха. «Когда говорят, — писал Плеханов, — что Маркс и Энгельс были в течение некоторого времени последователями Фейербаха, то нередко хотят этим сказать, что когда прошло это время, то мирозерцание Маркса—Энгельса существенно изменилось и стало совершенно отличным от мирозерцания Фейербаха. Как видно, так представляется дело К. Дилю, который находит, что влияние Фейербаха на Маркса обыкновенно очень преувеличивается. Это огромная ошибка. Перестав быть последователями Фейербаха, Маркс и Энгельс вовсе не перестали разделять весьма значительную часть его собственно философских взглядов. И это лучше всего доказывается теми тезисами, в которых Маркс критиковал Фейербаха».⁶²

В работе «От идеализма к материализму» Плеханов даже считал что «Маркс был неправ, когда упрекнул Фейербаха в том, что тот не понимал „практически-критической деятельности“. Она была понятна Фейербаху».⁶³

Он допустил переоценку воззрений Фейербаха, преувеличил значение их в выработке Марксом и Энгельсом своей, новой философии. В своих формулировках Плеханов нередко приписывал Фейербаху положения, которые на самом деле принадлежали Марксу и Энгельсу. Переоценил известным образом он и влияние Фейербаха на Чернышевского.

В более ранних произведениях Плеханов говорил о коренной переработке Марксом философии Фейербаха, указывал на качественное отличие мирозерцания Маркса и Энгельса от философских взглядов Фейербаха.

⁶¹ Там же, стр. 136.

⁶² Там же, стр. 143—144.

⁶³ Там же, стр. 682.

Плеханов понимал качественное различие марксистского материализма и предшествующих форм материализма. Говоря о своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», он писал: «В предлагаемой книге я показываю, что материализм Маркса и Энгельса отличается от материализма предшествовавших эпох, напр., от французского материализма XVIII столетия, своим диалектическим характером».⁶⁴

Переоценка у Плеханова значения Фейербаха в философской эволюции Маркса и Энгельса, как и сближение его взглядов с философией марксизма, нашла свое отражение в работах Ф. Меринга, который в некоторых случаях даже усилил плехановские ошибки в этом вопросе.

Рассмотрение вопроса об отношении марксизма к предшествовавшему развитию материализма является слабым местом работы Плеханова «Основные вопросы марксизма». Здесь им были углублены прежние ошибочные высказывания по этому вопросу.

Рациональным у Плеханова являются положения, которые показывают историческую связь философских воззрений молодого Маркса и Энгельса с философией Фейербаха.

Интересными и глубокими являются страницы произведения Плеханова «От идеализма к материализму», в котором дана история развития и разложения послегегелевской философии и подробно рассмотрена история младогегельянства.

Значительное внимание Плеханов уделил вопросу эволюции взглядов Маркса и Энгельса. Кроме ряда важных положений, выдвинутых во многих его произведениях, где затрагивается указанная проблема, он специально останавливается на рассмотрении ее в своих замечаниях на книгу «Людвиг Фейербах...», в работе «Основные вопросы марксизма» и, наконец, в статьях «От идеализма к материализму».

Основные положения этого анализа в целом правильны. Однако в своих суждениях относительно этапов философской эволюции Маркса и Энгельса, их характеристики Плеханов отступает от истины, допускает ряд серьезных ошибок, которые идут по линии переоценки значения Фейербаха в философской эволюции основоположников научного социализма, по линии сближения марксистской философии с философскими взглядами Фейербаха, главным образом в области теории познания. Это особенно относится к статье «От идеализма к материализму», написанной, по-видимому, в 1913 г. и впервые опубликованной в 1917 г.

Согласно взглядам Плеханова, в ранний период своего духовного развития Маркс «является перед нами еще чистокровным идеалистом гегелевской школы». Со времени появления статей в «Немецко-французских ежегодниках» Маркс и Энгельс вступают в антигегелевский, антиидеалистический период, когда они придер-

⁶⁴ Группа «Освобождение труда», сб. № 5, М., 1926, стр. 13.

живаются точки зрения феербаховского материализма и гуманизма.

При рассмотрении этого периода Плеханов отступает от правильного показа исторического пути развития мировоззрения Маркса и Энгельса.

Дело в том, что время, связанное с написанием Марксом и Энгельсом статей в «Немецко-французские ежегодники», не может быть названо периодом, когда основоположники встали на философскую точку зрения Фейербаха. Фейербах, и в этом прав Плеханов, оказал большое влияние на Маркса и Энгельса в период их разрыва с идеалистическим мировоззрением. Но основоположники марксизма в этот период вырабатывали свой новый взгляд на природу и общество. Они материалистически перерабатывали диалектику Гегеля, используя многие, весьма важные положения материализма Фейербаха. Но это использование не представляет собой простого заимствования; оно было внутренне связано с коренной переработкой старого материализма, преодолением его исторических односторонностей. Плеханов же недостаточно подчеркивает эту решающую сторону вопроса, акцентируя внимание на проблеме преемственной связи марксистского материализма и материализма Фейербаха. Он допускает при этом ряд совершенно ошибочных положений, особенно в статье «От идеализма к материализму».

Что касается рукописи «Философская эволюция Маркса», опубликованной Д. Рязановым в приложениях к XVIII тому Сочинений Плеханова, то нам в целом приходится согласиться с анализом ее, данным М. Т. Иовчуком.

М. Т. Иовчук приходит к выводу, что эту запись лекций Плеханова нельзя рассматривать как произведение Плеханова, предназначавшееся к печати; изложенные в ней «положения являются во многом спорными, ошибочными и противоречащими взглядам самого Плеханова о развитии марксизма, высказанным в его печатных трудах».⁶⁵

Итак, Плеханов впервые в марксистской литературе, исходя из основополагающих идей Маркса и Энгельса, разработал ряд важнейших методологических принципов науки истории философии. Эти принципы, вытекавшие из материалистического понимания истории, он применил к анализу отдельных разделов всемирной истории философии, особенно французского материализма, философии Гегеля и к русской философии XIX в. (см. следующую главу).

В этой разработке как общих теоретических принципов, так и в анализе и истолковании отдельных конкретных вопросов у Плеханова было не все правильно. Были у него, как мы об этом говорили, и существенные ошибки. Но не ими определяется основное содержание взглядов Плеханова на историко-философский процесс.

⁶⁵ М. Т. Иовчук, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, стр. 174.